

ВЪ ГОРАХЪ

Вѣстникъ минералогіи, горной промышленности „клуба альпинистовъ“.

Обозрѣніе крымскихъ и кавказскихъ приключеній.

Соляныя копи и минерально-сатирическіе источники.—Добываніе юмористической руды.—
Собственные редакціонные проводники для хорошенькихъ читательницъ.

СЦЕНКИ СЪ НАТУ- РЫ ВЪ ОКРЕСТНО- СТЯХЪ ЯЛТЫ.

Фіалки.

I.

Познакомился Адамъ Адамовичъ съ милодвидной дѣвицей, пріѣхавшей изъ далекой Сибири подышать морскимъ воздухомъ и погрѣться на южномъ солнышкѣ. Ее сопровождалъ папа, блѣдный, худой, подагрикъ; онъ сѣлся съ утра на балконъ, гдѣ и просиживалъ почти все время, а дочери далъ полную свободу — брать проводниковъ, кататься въ горы — это было ея любимое занятіе. Но она подчасъ скучала, поэтому начала подыскивать знакомыхъ, чтобы устраивать кавалькады. Въ одной изъ такихъ прогулокъ она познакомилась съ Адамъ Адамовичемъ, который, видимо, ей понравился: высокій ростомъ, со статной фигурой, а лицо? — говорятъ, что мужчина — чуть лучше черта, — смѣло можетъ считать себя красавцемъ — такъ и нашъ герой былъ о себѣ не плохого мнѣнія, основываясь на томъ, что дамы льнули къ нему, какъ мухи къ меду. Его жгучіе темные глаза имѣли притягательную силу для нихъ. Это испытала Олимпиада Георгиевна (Липочка, какъ звалъ ее отецъ, и мы будемъ называть такъ). Липочка придумывала средства, какъ бы почаще видѣться съ Адамъ Адамовичемъ, она приглашала его къ себѣ, но онъ благодарилъ и самъ не являлся. Наконецъ, она рѣшилась просить его сопровождать ее въ горы. — «Весьма признателенъ за при-

....«А если я дама?» — «О, это дѣло другое, — весело захохоталъ Адамъ Адамовичъ. — Тогда я къ вашимъ услугамъ».

глашеніе, но, если быть съ вами откровеннымъ, люблю сопровождать только дамъ, а съ дѣвцами опасно». Она вся вспыхнула, и, смотря загадочно ему въ лицо, сказала: «А если я дама». «О, это дѣло другое», весело захохоталъ Адамъ Адамовичъ: «Тогда я къ вашимъ услугамъ».

II.

День былъ прекрасный. Бирюзовые волны морскія лѣниво плескались о берега, располагая къ нѣгѣ. Наша парочка (Липочка и Адамъ Адамовичъ) медленно подымались въ гору, опустивъ поводья, а сзади нихъ въ сѣдлѣ дремалъ проводникъ. Они расположились на отдыхъ въ чудномъ уголкѣ сосноваго лѣса, лошадей отдали проводнику, который и устроился неподалеку за деревьями. Они усѣлись, разговоръ какъ-то не клеился; Адамъ Адамовичъ хотѣлъ оказать своей спутницѣ вниманіе и пошелъ собирать фіалокъ. Букетъ былъ составленъ быстро, и Адамъ Адамовичъ съ любезной улыбкой подаетъ его Липочкѣ, лежащей въ непринужденной позѣ; она посмотрѣла на Адама Адамовича, потомъ на букетъ, и бросила его въ сторону съ недовольнымъ выраженіемъ лица. Адамъ Адамовича озадачило такое невниманіе къ его фіалкамъ.

«Что вамъ не нравится мой букетъ. Худо связалъ его, такъ поправлю». И онъ, въ простотѣ душевной, взялъ букетъ, прибавилъ фіалокъ, перевязалъ очень старательно, и опять подноситъ Липочкѣ. Она, долго не думая, схватила злоспелыя фіалки и бросила въ лицо кавалеру. «А, такъ вотъ въ чемъ дѣло. Вы злитесь, что я недогадливъ. Вамъ другія фіалки нужны»... молніей пронеслось въ его головѣ. Онъ опустился на траву рядомъ съ ней; жалѣя златокудрую головку валять въ опавшихъ листьяхъ, онъ предложилъ свою руку ей подъ голову; ея алмы губки его притягивали, какъ магнитъ.

Ихъ стройныя, молодыя фигуры были залиты солнечными лучами, какъ золотымъ дождемъ... Солнце жгло сильно, но они не обращали вниманіе на жару: они упивались ласками, забывая обо всемъ. Ржаніе лошадей напоминало имъ о близости проводника, но и это было безсильно прервать ихъ жгучіе поцѣлуи — такъ прекрасенъ и душистъ былъ для нихъ этотъ букетъ фіалокъ...

«Пойдемъ, пройдемся въ глубь лѣса», — предложила Липочка. Гуляя, они рѣшили еще разъ собрать фіалокъ... только подальше отъ проѣзжей дороги.

III.

Вернулись довольно поздно. Адамъ Адамовичъ, съ чувствомъ признательности, поцѣловалъ у своей спутницы ручку, но зайти въ домъ отказался. Липочка весело вѣжала къ отцу и сказала, подавая ему букетъ фіалокъ: «Единъ папочка, ты ужъ не можешь наслаждаться такимъ удовольствіемъ, какъ... собирать въ лѣсу... фіалки.» — Да, голубчикъ, мое время прошло. Ты за меня наслаждайся природой и жизнью — мнѣ бы лишь на солнышкѣ погрѣться», говорилъ папочка, простодушно смотря на дочь: «какъ я радъ, что ты еще у меня такое дитя, такъ любящее цвѣты и природу», продолжалъ старикъ, не подозревая, что «дитя» вкусило отъ древа познанія добра и зла..

IV.

Адамъ Адамовичъ, возвращаясь домой, негодовалъ на себя и на Липочку. «Вотъ какъ ведутъ себя наши милыя соотечественницы, пріѣзжая на курорты: А дома, — вѣрно такая скромность — глазки поднять лишній разъ стѣсняется. А еще говорятъ: женщины — слабый полъ — хорошъ слабый, мужчину, какъ веревку скрутить и сдѣлаетъ все, какъ заблагоразсудится. Нѣтъ, слуга покорный, больше пѣшкой не буду...»

V.

Липочка, напрасно прождавъ Адама Адамовича, нашла другого кавалера, который съ большей благодарностью отнесся къ ея добротѣ, и съ большей готовностью помогалъ ей собирать фіалки..

Горный Зефиръ.

СЪ САНСКРИТСКАГО.

Когда богатствомъ вы владѣете, и тутъ Вамъ люди разные про дружбу напѣвають, И съ вами встрѣтившись, вамъ крѣпко руку *жмутъ*, То, значить, *выжать* все, что есть у васъ, желаютъ.

Когда-жъ у васъ почти ни гроша нѣтъ, и тутъ Вамъ люди разные про дружбу напѣвають, И съ вами встрѣтившись, вамъ крѣпко руку *жмутъ*, То... все же васъ *прижать* и раздавить желаютъ.

ЭЛЕГІЯ.

На вышинѣ въ кристально-чистыхъ снѣгахъ родится онъ и, отдѣляясь отъ холодной и безжизненной пустыни, ползетъ онъ внизъ, сплочиваясь и твердѣя подъ лучами могучаго солнца. Скалы, лѣса, поселенія — развѣ удержатъ его спокойный и величественный ходъ? О, нѣтъ! Въ своемъ поступательномъ движеніи онъ рушитъ сѣдя скалы, рѣжетъ шумящіе лѣса, давить людскія поселенія. Но солнце вступаетъ съ нимъ въ упорную борьбу и часто останавливаетъ его побѣдное шествіе. И плачетъ тогда титанъ, а слезы его шумными потоками низвергаются съ высоты скалъ, съ ревомъ, съ безсильной пѣной несутся въ цвѣтушія долины.

Имя этого титана — Ледникъ!

Точно такъ же бываетъ и въ смутное время чело-вѣческой жизни. Что-то мертвое, безжизненно-холодное надвигается на насъ, стираетъ на пути свѣтлую всякую жизнь, но подъ лучами могучаго свѣтила разбивается на тысячи мелкихъ потоковъ. Они шумятъ, они мечутся въ своемъ тѣсномъ ложе...

Этотъ титанъ — царство тьмы! Кофеевъ-Ш.

Онъ. Однако мы катимся по наклонной плоскости. Она. Но я, все-таки еще не упала. (ICU)

«СЧАСТЛИВЫЕ» КАМНИ, И ДЛЯ КОГО ОНИ СЧАСТЛИВЫ.

Гранатъ—носятъ въ январѣ; онъ означаетъ *постоянство*. Счастливы для швейцаровъ и дворниковъ, получающихъ новогоднія «начайныя».

Аметистъ—въ февралѣ; означаетъ *искренность*. Счастливый номеръ ухаживателей за дѣвицами въ февралѣ, когда даже искренно влюбленные не могутъ пострадать отъ женитьбы... по случаю поста.

Рубинъ—въ мартѣ; означаетъ *мужество*. Камень частныхъ актеровъ, придающій имъ *мужество* дотянуть время поста.

Бриллиантъ—въ апрѣлѣ; означаетъ *невинность*. Счастливый камень дѣвицъ: дѣвица, имѣющая много этихъ счастливыхъ камней, скорѣе всего можетъ выйти замужъ.

Изумрудъ—въ маѣ; означаетъ *успѣхъ*. Счастливый камень ловеласовъ, которые говорятъ: „прощай вино въ началѣ мая“—и начинаютъ пользоваться амурными успѣхами.

Агатъ—въ іюнѣ; означаетъ *здоровье*. Счастливый камень дамочекъ, ѣдущихъ „на воды“.

Сафиръ—въ іюлѣ; означаетъ *радость*. Счастливый камень лѣтнихъ антрепренеровъ, затянувшихъ сезонъ до второй половины и поэтому *радующихся* отсутствію краха.

Александритъ—въ августѣ; означаетъ *счастье*. Счастливый камень дачевладѣльцевъ, получившихъ съ дачниковъ остальную плату за дачу.

Хризолитъ—въ сентябрѣ; означаетъ *ревность*. Камень мужей, наконецъ узнавшихъ про дачныя шалости своихъ женъ.

Опалъ—въ октябрѣ; означаетъ *надежду*. Камень дѣвицъ, возлагающихъ брачныя надежды на бальный сезонъ.

Топазъ—въ ноябрѣ; означаетъ *вѣрность*. Камень мужей, жены которыхъ перешли предѣльный возрастъ любви и которыхъ мужья могутъ спокойно отпускать на балы.

Бирюза—въ декабрѣ; означаетъ *силу*. Камень танцующихъ кавалеровъ, сохранившихъ *силу* ногъ досвѣтокъ и для свѣтокъ.

Каэмъ.

ИЗЪ МИРА ТАИНСТВЕННОГО И НЕОБЪЯСНИМАГО

Въ ночь съ субботы на воскресенье въ кабинетъ неслышно вошла тѣнь покойнаго юмориста Сафира и, ставъ за редакторскимъ стуломъ, начала громко звать.

Еле живъ отъ испуга, редакторъ былъ въ силахъ только прошептать:

— О, тѣнь! ты такъ широко разѣвѣаешь пасть! Я боюсь, что ты съѣшь меня.

— Не бойся, успокоительно отвѣчала тѣнь: я не ѣмъ свинины.

Знаменитый австрійскій писатель, какъ извѣстно, былъ еврей.

М. Львовичъ

МИНЕРАЛОГІЯ.

— Что это у васъ въ корзинѣ, Захаръ Петровичъ?

— Камни-съ... Камней въ лѣсу набралъ...

— Зачѣмъ вамъ? Развѣ вы занимаетесь минералогіей?

— Нѣтъ-съ... Просто хочу набрать камней и дорожку вымостить черезъ грязную улицу отъ нашей дачи къ сосѣду Ивану Ивановичу... А то какъ дождь, такъ нѣтъ никакой возможности въ винтъ пойти поиграть...

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ СТАРАГО ШУТА.

Съ свисткомъ и дудкой, людямъ на потѣху,
Я пѣсни пѣлъ на праздничныхъ пирахъ,
Меня просили часто, ради смѣха,
Воспѣть ихъ пиръ въ восторженныхъ стихахъ.

И начиналъ я мѣткими стихами
Хлестать пороки, мерзость и развратъ,—
И всѣ, меня засыпавъ похвалами,
Мои стихи хватали на расхватъ.

И хохоча до одури нерѣдко,
По очереди каждый замѣчалъ:
— Какъ, братецъ мой, талантливо и мѣтко
Моихъ друзей ты нынче отхлесталъ!

ГРОШЪ.

Бѣдняку богачъ однажды
Цѣлый часъ читалъ урокъ:
Потрудиться долженъ каждый—
Лѣнь—большой порокъ!
Надо, братъ, бояться Бога..
Все бѣднякъ молчалъ.
Вѣрно, думалъ, дастъ онъ много,—
Много насказалъ.
— Такъ-то-съ! понялъ ты науку?
На-жъ тебѣ—не пропадешь;
Раскрываетъ нищій руку,—
Видитъ: мѣдный грошъ.

Непризнанный Геній.

Обсерваторія въ горахъ.
Они видятъ только другъ друга, мамаша видитъ и ту и другого.

СЦЕНКИ НА ЯЛТИНСКОМЪ ПОБЕ- РЕЖЬѢ.

Какъ Алиса Семеновна дурачила мужчинъ.

Красивая дача вся утопала въ зелени и цвѣтахъ. Балконъ былъ украшенъ разноцвѣтными фонариками, рельефно выдѣляющимися на фонѣ темной ночи. Звуки рояля смѣшивались съ веселыми голосами сидящихъ на балконѣ.

Дачевладѣлецъ былъ именинникъ. Въ честь его супруга устроила вечеръ, пригласивъ много знакомыхъ. Въ числѣ гостей была и квартирантка, недавно прѣхавшая изъ Москвы, Алиса Семеновна, поселившаяся у нихъ въ верхней дачѣ, съ двумя дѣтьми и бонной, на попеченіи которой всецѣло находились дѣти и хозяйство.

Алиса Семеновна была еще молодая и красивая особа съ энергичнымъ лицомъ и смѣлымъ характеромъ. Она нравилась мужчинамъ, но пока никто изъ новыхъ ея знакомыхъ не могъ похвалиться особеннымъ ея расположеніемъ. А знакомыхъ мужчинъ у нея было довольно, благодаря общественному положенію дачнаго владѣльца (она съ нимъ скоро подружилась), занимавшаго видный постъ въ Ялтѣ. Жена дачевладѣльца была не молода, но очень весела и гостеприимна. Именины мужа она хотѣла отпраздновать возможно веселѣй; устроили танцы, въ которыхъ приняли участіе всѣ присутствовавшіе. Подали роскошный ужинъ; вина собственныхъ садовъ именинника соперничали вкусомъ и достоинствомъ съ заграничными. Бѣли всѣ много, а пили еще больше. Шампанское пѣнилось въ бокалахъ. Всѣ были веселы, говорили много похвальныхъ рѣчей, пріятныхъ имениннику.

Былъ уже разсвѣтъ, гости вышли въ садъ. Въ воздухѣ была полная тишина, все вокругъ спало крѣпкимъ сномъ, какъ въ сказкѣ. Всѣ были возбуждены отъ выпитаго вина и о снѣ никто не думалъ. Кто-то сказалъ: «Не дурно бы теперь устроить прогулку въ горы». Мысль эта всѣмъ понравилась. Нѣсколько мужчинъ пошли добывать лошадей, а дамы вошли въ домъ, чтобы замѣнить легкіе свои туалеты амазонками. Были взяты лошади. Ахметка, было, испугался ночного нашествія, но, узнавъ, какъ много требовалось лошадей, обрадовался и далъ двухъ проводниковъ смотрѣть за лошадьми, въ случаѣ если господа пожелають отдохнуть. Все было улажено, и кавалькада въ нѣсколько паръ двинулась въ горы.

Алиса Семеновна, красиво покачиваясь въ сѣдлѣ, ѣхала въ первой парѣ, кавалеромъ ея былъ статный молодой человѣкъ, признанный всѣми сердцеѣдъ. Онъ съ восхищеніемъ поглядывалъ на свою красивую спутницу, и сказалъ, будто про себя: «Не понимаю, зачѣмъ дамы берутъ проводниковъ съ собой въ горы. Каждый изъ насъ съ наслажденіемъ бы ихъ сопровождалъ. Другіе мужчины его поддерживали: «Совершенно вѣрно», говорилъ Илларионъ Ивановичъ; мы просто негодуемъ на такое отношеніе къ намъ».

«Господа, вы сами въ этомъ виноваты», воскликнула Алиса Семеновна: «Когда мы беремъ проводника, мы знаемъ, что онъ будетъ такъ поступать, какъ намъ будетъ угодно: если намъ нуженъ только проводникъ, то чего проще искать. Мы беремъ его на нѣсколько часовъ, любимъ природой, наслаждаемся прогулкой, зная, что насъ оберегаютъ отъ несчастнаго случая, и за все это платимъ условленную сумму,—и тѣмъ кончено. Допустимъ, что я преслѣдую другую цѣль... въ прогулкѣ съ проводникомъ. Что-же? Я выбираю красиваго мужчину, опять — таки плачу ему по уговору,—и больше его не знаю. Въ виду своего интереса, проводникъ болтать не станетъ...»

«Дѣло другое съ вами, господа. Не спорю, что есть и среди васъ люди, на скромность которыхъ можно положиться, но это рѣдкое исключеніе», продолжаетъ развивать свою мысль Алиса Семеновна: «Есть не мало такихъ мужчинъ, что между ними и, допустимъ, мною ни-

чего интимнаго не было: а въ кругу друзей и не друзей, когда зайдетъ разговоръ обо мнѣ, — они, покручивая усы, скажутъ: „Я объ успѣхахъ у женщинъ всегда молчу“. Но при этомъ такой взглядъ, что больше, чѣмъ слова, скажетъ. Присутствующіе только въ душѣ позавидуютъ. «Ну, и везетъ же этому человѣку у женщинъ», рѣшатъ они. Такъ вотъ, господа мужчины. Пеняйте на себя, а не на проводниковъ, добавила, смѣясь, Алиса Семеновна. Мужчины, было, заспорили между собой о справедливости и не справедливости сужденій смѣлой дамы, но, въ концѣ концовъ, всѣ согласились, что Алиса Семеновна права, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшили, что она недоступна.

Кавалькада взобралась на вершину горы, откуда открывался чудный видъ на море и восходящее солнце, медленно подымавшееся надъ горизонтомъ, какъ будто послѣ морской ванны.

Налюбовавшись видомъ, кавалькада вернулась домой. Такъ какъ всѣ порядкомъ устали, то тотчасъ завалились спать, и въ объятіяхъ Морфея провели почти цѣлый день...

II.

Прошло довольно много времени со дня веселыхъ именинъ и ранней прогулки въ горы. Илларионъ Ивановичъ потерялъ изъ виду Алису Семеновну, такъ какъ уѣзжалъ на продолжительное время въ Севастополь. Вернувшись, онъ не засталъ на прежней квартирѣ, и уже рѣшилъ, что она уѣхала, какъ вдругъ на гуляніи встрѣтилъ ее, нарядную, красивую, слегка загорѣвшую, — но это къ ней шло. Она пріятливо поздоровалась съ нимъ, пожуривъ его, что совсѣмъ забылъ о ея существованіи. Онъ оправдывался; разговоръ завязался очень оживленный, и они не замѣтили, какъ прошло время, и садъ замѣтно опустѣлъ — публика стала расходиться. «Вы меня проводите?» спросила Алиса Семеновна: «я здѣсь близко», и она назвала одну изъ первоклассныхъ гостиницъ. «Конечно, лишняя минута въ вашемъ обществѣ доставляетъ мнѣ громадное удовольствіе».

«Если такъ, то могу продлить вамъ это удовольствіе: пойдемъ ко мнѣ чай пить — я всегда, послѣ гулянія, долго просиживаю за чашкой чаю, даже, если нахожусь одна».

«Что, конечно, рѣдко бываетъ», воскликнулъ онъ.

«Не скажите, послѣднее время какъ-то поубавилось знакомыхъ — вѣдь и публика здѣсь какъ приливъ морской: то найдется масса,—знакомство устранивается быстро, то какъ волна, отхлынетъ, никого нѣтъ».

Чай пили на балконѣ, но въ воздухѣ посвѣжѣло: они перешли въ уютную комнату, слабо освѣщенную одной свѣчой, стоявшей на столикѣ у дивана. Алиса Семеновна опустилась на диванъ, жестомъ пригласивъ кавалера послѣдовать ея примѣру. Вдругъ, неожиданно для Иллариона Ивановича, свѣча потухла. Нашъ герой былъ не промахъ: сообразивъ, что дамы бояться быть однѣ въ темнотѣ, придвинулся ближе, и почувствовалъ пожатіе теплой ручки, на которое онъ отвѣтилъ страстными поцѣлуями... Опыненіе прошло у нея скорѣе. Она зажгла свѣчу и взглянула на растерявшагося Иллариона Ивановича, какъ будто она видѣла его въ первый разъ. «Ужъ поздно, гдѣ ваша шляпа?» обратилась она къ гостю.

«Вы меня гоните?, а я думаю, что можно бы продлить часъ свиданія», сказалъ Илларионъ Ивановичъ, еще находясь подъ упоеніемъ ея ласкъ.

Она холодно взглянула на него: «Я васъ не понимаю, вы дѣлаетесь дерзки, чтобы не сказать больше... Прошу васъ не забываться».

Онъ, хотя считался сердцеѣдомъ и знаткомъ женщинъ, но подобный случай былъ съ нимъ въ первый разъ.

Она медленно наклонила голову, въ отвѣтъ на его поклонъ. Такъ они простились...

III.

Выйдя на улицу Илларионъ Ивановичъ негодовалъ, что позволилъ себя одурачить. Точно туфель ненужный съ ноги сбросила, удивительная женщина. А я въ простотѣ душевной думалъ влюблена, чего-жъ на ласку не отвѣтитъ лаской. Надо навести свѣдѣнія о ней, кто она и что она. Разыщу тѣхъ господъ, которые участвовали тогда въ кавалькадѣ и узнаю все. Задѣтое самолюбіе не давало ему покоя. На слѣдующій день онъ пошелъ въ клубъ, гдѣ зналъ, что увидитъ всѣхъ знакомыхъ, бывшихъ тогда на именинахъ и знавшихъ Алису Семеновну. Его встрѣтили радушно.

Гдѣ вы, батюшка, пропадали. А у насъ столько новато и они, шутя и посмѣиваясь, начали рассказывать свои приключенія.

Илларионъ Ивановичъ потребовалъ еще бутылку вина, предложилъ тостъ за присутствующихъ; всѣ выпили.

А теперь за хорошенъкихъ дамъ. Кстати, видѣлись вы, господа, съ Алисой Семеновной? гдѣ она?—спросилъ Илларионъ Ивановичъ, какъ ни въ чемъ ни бывало. Среди присутствующихъ поднялся сдержанный смѣхъ.

Вы его спросите, указывали они другъ на друга.

Да что вы, притворялся недоумѣвающимъ Илларионъ Ивановичъ. Изъ вашего смѣха я ничего не пойму.

Это правда, сказали другіе, надо предупредить, чтобы и нашъ сердцѣдъ не попался въ ея сѣти. И всѣ собравшіеся рассказали, какъ они всѣ по очереди перебивали у нея въ уютной комнатѣ и какъ она, насладившись ихъ ласками безцеремонно выпроваживала ихъ.

Илларионъ Ивановичъ, выслушавъ друзей вскрикнулъ:

Вѣрю вамъ, такъ какъ я испыталъ то же и меня послѣ всего, она выпроводила, какъ забравшагося вориху. Вотъ такъ Мессалина добавилъ онъ. На прогулкѣ казалась богиней добродѣтели. Вотъ и вѣрь послѣ этого женщинамъ.

— А все же молодецъ, сумѣла одурачить насъ, вскричали присутствующіе. Выпьемъ за ея здоровье. Ура. Ура.

Горный Зефиръ.

Онъ. Скажите пожалуйста, Иванъ Ивановичъ, что такое политическое мнѣніе?

Онъ. Это... рубашка ума, но рубашка очень страннаго свойства, потому что она пачкаетъ носящаго ее только тогда, когда онъ ее перемѣняетъ.

ОБЪЯСНИЛЪ.

- Батько!?
- Що, сынку.
- А що таке будэ соціалъ-демократія?
- Соціалъ-демократія!? Это, кажу, така мірка. Що зъ одной свѣтки, трі викраивають.
- А що таке рэволюція?
- Рэволюція? это таке хвабріка, у которой роблють риволвірі зъ пушками.
- А що таке буржуазія?
- Отто, дурень, чего нэ відае! Это такі здоррові кавуны, що растуть у Азії, кыслы и солені, якъ дурная капуста.
- А що таке рэпрэсія?
- Рэпрэсія?—это тако злодійска штука, що самъ чертяга ні йодоліе.
- А що таке пролѣтарій?
- Пролѣтарій—это кажу тобі, сынку е такі людэ, що у громодніхъ пузірахъ пи небу лѣтають, а тай звѣзды рукамы щипають, чи горячі, чи простілы.
- А що таке анархыстъ?
- Анархыстъ?—это така гадюка на манірѣ анты-хрыста, тількы хвістъ підліннѣе.
- А що таке коммунизмъ?
- Коммунизмъ?—это така больша птыця, що изо всѣхъ малінькихъ поїдае.
- А гді-жсь вона водытьця, у какой страні?
- Гѣть до чортова батька! изо ты, якъ піпъ на говіны, что та й що та й гді? гѣть, бісовъ сінъ.

ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНЫЕ МОТИВЫ.

Вотъ дорога вамъ желѣзная,
Для проѣзда непригодная,
Пассажирамъ безвозмездная,
Порча легкихъ превосходная.
Нѣтъ въ вагонахъ отопленія,
Трескотня въ пути чертовская...
Вотъ дорога, безъ сомнѣнія—
Курско-Харьково-Азовская.

Безобразными заносами
Вся дорога прославляется,
Но къ начальникамъ съ вопросами
Приставать не дозволяется.
Что верста—то замедленія,
Жизнь въ вокзалѣ просто адская:
Голодь, холодъ, притѣсненія...
Это—*Елизаветградская.*

Наполняется правленіе
Лиходѣями-вампирами...
Что ни годъ—то столкновенія
И несчастья съ пассажирами.
По пути задержки разныя,
Дерзость грубая и рѣзкая,
И порядки безобразныя...
Это—линія *Одесская.*

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ РУБЛЬ??

(нѣсколько опредѣленій).

Рубль—„ingènie“, преслѣдуемая „драматическими злодѣями“ на театрѣ „Европейская биржа“ (мнѣніе актера).

Рубль—финансовая элегія (мнѣніе молодого поэта).

Рубль—перемежающаяся лихорадка биржи (мнѣніе врача).

Рубль—козель отпушенія (мнѣніе сельск. хозяина).

Рубль—желтый цвѣтъ, цвѣтъ презрѣнія (мнѣніе молодой дѣвицы, невмѣняемой по наивности).

ТЕЛЕГРАММЫ.

Внутреннія.

Нѣкто намѣревался жениться. Маменька его невѣсты пріѣхала въ отсутствіе его навести у слуги кое-какія справки о жизни барина. Баринъ, предвидя такое посѣщеніе, предупредилъ слугу, что бы онъ представилъ его средства въ преувеличенномъ видѣ. „О чемъ тебя она не спроситъ, ты Степанъ, все говори въ десятеро, все преувеличивай!“

— „Скажи пожалуйста, спрашиваетъ маменька, правда, что твой баринъ получаетъ двѣ тысячи въ мѣсяцъ доходовъ?“

— Не двѣ, матушка, а двѣсти тысячъ, это мнѣ доподлинно извѣстно.

— „Куда-же онъ деньги дѣваетъ? Вѣрно, любовница есть?“

— Десять любовницъ, сударыня, не одна.

— „А что это у твоего барина на шеѣ: бородавка?“

— Десять бородавокъ, сударыня, онъ весь въ бородавкахъ, не только что на шеѣ!

— Ну, а долговъ у твоего барина много?“

— О, у моего барина всего много, онъ весь въ долгахъ, сударыня.

КИЕВЪ. Одинъ здѣшній портной возбуждаетъ общее вниманіе слѣдующею курьезною вывѣскою, которую онъ повѣсилъ надъ входомъ въ свой магазинъ. Вывѣска эта представляетъ громаднхъ размеровъ яблоко.

Спрошенный на счетъ столь страннаго способа заявленія о своемъ ремеслѣ, портной отвѣтилъ:

— „Что было-бы съ нами, портными, если-бы прародительница наша Ева не предложила яблока Адаму?“

Ева, дѣйствительно, оказала бѣольшую услугу портнымъ, чѣмъ даже змѣю.

МОСКВА. Въ контору одного изъ иллюстрированныхъ журналовъ является нѣкій господинъ и проситъ выдать ему картину, назначенную въ премію къ журналу.

Конторщикъ требуетъ подписной билетъ.

— Извините, вѣжливо замѣчаетъ онъ, но вы не имѣете права на полученіе преміи, такъ какъ вы подписались лишь на три мѣсяца.

— Ну, такъ что-же? Вы вѣдь публиковали, что выдаете премію годовымъ подписчикамъ?

— Да, недоумѣваетъ конторщикъ. Но, у васъ...

— Позвольте. Подписка на вашъ журналъ сдѣлана отъ имени моего сына, а ему теперь *ровно годъ*, вотъ и метрическое свидѣтельство... Это стало быть *годовой* подписчикъ.

Просьба была удовлетворена.

ХАРЬКОВЪ. Въ нѣкоемъ учебномъ заведеніи директоромъ было замѣчено, что среди воспитанниковъ сильно развилось куреніе... не фиміама, ему, директору — это бы ничего, но куреніе папирозъ. При обсужденіи общимъ собраніемъ воспитателей мѣръ къ уничтоженію сего зла, одинъ изъ воспитателей, между прочимъ, объяснилъ, что воспитанники большею частью курятъ въ классахъ, въ форточки, сдѣланныя въ нижнихъ стеклахъ оконъ.

— Ага! вотъ какъ! воскликнулъ директоръ: въ такомъ случаѣ зло прекратить весьма легко, — у меня явилась гениальная мысль: велите немедленно вставить зимнія рамы и притомъ шиворотъ на выворотъ—форточками къ верху!

ОДЕССА. Дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ нашихъ салоновъ. Всѣ въ восторгѣ отъ quasi-публичной лекціи, прочитанной въ строго-избранномъ кружкѣ великосвѣтскихъ слушателей однимъ изъ присутствующихъ, и наперерывъ спѣшатъ выразить ему свои привѣтствія. Но одинъ изъ ближайшихъ друзей лектора не совсѣмъ доволенъ:

— Ты читалъ прекрасно, говоритъ онъ, но я нашелъ, что твоя лекція была немного длинна.

— Это правда. Но что же дѣлать, если *голова* не понимала!

— Какая *голова*?

— Когда я читаю публичную лекцію, я всегда выбираю среди слушателей какую-нибудь одну голову, имѣющую самое глупое выраженіе. Этой-то головѣ я и объясняю предметъ до тѣхъ поръ, пока не замѣчу по ея выраженію, что она поняла въ чемъ дѣло. Въ данномъ случаѣ этою „головкою“ была у меня графиня О*; она все набивала обѣ ноздри табакомъ и, оттого, вяло слѣдила за развитіемъ моихъ основныхъ положеній. Но, какъ ты видѣлъ, я стоически выдержалъ роль и не измѣнилъ своему общему правилу.

Въ тотъ же день, однако, вечеромъ стало извѣстно, что графиня О* заболѣла разстройствомъ желудка отъ напряженія умственныхъ способностей.

Внѣшнія.

БЕРЛИНЪ. Одинъ берлинскій адвокатъ защищалъ обвинявшагося въ томъ, что онъ натравилъ свою собаку на лицо, состоявшее съ нимъ во враждебныхъ отношеніяхъ. Адвокатъ блестяще оправдалъ своего кліента, который, желая выразить признательность особю благодарственной грамотою, прислалъ своему защитнику слѣдующее письмо: „Многоуважаемый г. защитникъ! Вы защищали меня тому съ полгода, когда я на торговца Венцлаффа натравилъ собаку, которая его ужасно искусила, а я, кажется, съ своей стороны помогать ей палкой. Тогда я былъ въ состояніи вручить вамъ лишь 10 марокъ, но вы прислали своего помощника, и онъ повелъ дѣло такъ удачно, что я самъ изумился, когда меня оправдали. Помощникъ вашъ, защищая меня, говорилъ такъ прекрасно, такъ удивительно, что я чуть было не подумалъ, что Венцлаффъ дѣйствительно привлекъ меня безвинно. Если-бъ онъ поговорилъ еще немного, быть можетъ, было-бы даже доказано, что не собака укусила Венцлаффа, а Венцлаффъ собаку. Благодарю васъ за оправданіе, которымъ я вамъ исключительно обязанъ и въ качествѣ гонимого за эту защиту прилагаю еще 50 марокъ, изъ коихъ можете удѣлать нѣчто вашему достойному помощнику“.

ВѢНА. Въ одномъ маленькомъ венгерскомъ го-

Она. Хорошо я скажу вамъ „да“, я согласна быть вашей женой, но только раньше вы должны взобраться на самую высокую изъ окружающихъ насъ горъ.

Онъ. Но вѣдь тамъ невозможно свободно дышать?

Она. А вы думаете, что послѣ нашей свадьбы я вамъ позволю свободно дышать?

родѣ содержатель мѣстной аптеки недавно, не взирая на крайне близкія отношенія свои къ всевозможнымъ медикаментамъ, всетаки умеръ. Нужно объяснить, что и аптекари тоже умираютъ. Аптека была куплена помощникомъ умершаго, къ которому одна дама, жившая по близости, была равнодушна и весьма часто посѣщала его... подѣ предлогомъ покупки пилюль. Женщины вѣдь такъ находчивы! Еву вѣдь тоже погубила пилюля-яблоко. Въ одинъ прекрасный день, когда влюбленные сидѣли въ аптечной лабораторіи, внезапно являются судебныя власти, чтобы составить инвентарь наслѣдству и обезопасить право заинтересованныхъ лицъ. Застигнутый врасплохъ, аптекаръ поспѣшилъ спрятать даму своего сердца въ шкафъ, (но, о, ужасъ! власти, ничего не подозревая, наложили печати и на злополучный шкафъ, какъ и на остальные вещи въ аптеку. Мало того. Судья поручилъ еще несчастному аптекарю охранять печати, объяснивъ ему, какой отвѣтственности онъ подлежитъ, если печати будутъ взломаны. Можно представить себѣ, каково было положеніе влюбленнаго аптекаря! Она была окружена ядами и кислотами, хотя она не имѣла ничего общаго со старою дѣвою! Аптекаръ плакалъ, а дама отъ изжоги и внутренняго волненія пила касторовое масло. Это былъ для нея „Любовный напитокъ“ (вспомнимъ объ оперѣ того же наименованія). Только къ вечеру удалось ему освободить, при помощи властей, свою дульцинею, которая никакъ уже не ожидала, что любовный дуэтъ въ лабораторіи могъ закончиться разстройствомъ нервовъ и желудка.

ПЕТЕРБУРГЪ И КРЫМЪ.

(Изъ альбома дамы).

Тамъ теперь идетъ
Дождикъ надождный;
Здѣсь глядитъ съ высотъ
Солнца лучъ побѣдный.
Тамъ—обуза мнѣ
Маленькія дѣти;
Въ здѣшней сторонѣ
Я одна на свѣтѣ.
Тамъ—хандрю, молчу
Изъ боязни свѣта;
Здѣсь я, что хочу,
Дѣлаю все лѣто.
Тамъ мой мужъ сидитъ.
Скучный старый баринъ;
Здѣсь—лихой джигитъ
Проводникъ-татаринъ.

Юн. Юзеналъ.

ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ.

Выразилъ желанье,
Пользуясь минутой,
Получить „стяжанье“
Золотой валютой.
Мелкая онъ сошка!..
Взявъ червонцевъ кучку,
Запылалъ, какъ плошка,
Славить сталъ получку...
Вотъ онъ—въ ресторанѣ...
Мигъ—и счастье скрылось:
Золото въ карманѣ
Разомъ испарилось...
«Знать, судьба смѣется»,—
Простоналъ онъ глухо:
«Дождь червонцевъ льется,
«А въ карманѣ... сухо?!»

Трубачъ.

МОЙ ПАМЯТНИКЪ.

(Изъ Беранже).

Вѣдь я еще здоровъ, а вы уже хотите
Воздвигнуть надъ моею могилою мавзолей!
Какіе пустяки! Ну стойте ли, скажите,
Вамъ тратиться, друзья, для эдакихъ затѣй?
Вѣдь мраморъ и гранитъ лишь знатному пристали
И кости бѣдняка не кстаетъ въ нихъ рядить.
Тѣ деньги, что вы мнѣ на памятникъ собрали,
Не лучше ли со мной теперь же и пропить?!

Изящный мавзолей вамъ стоилъ бы, конечно,
Тысченокъ... ужъ никакъ не менѣ шести;
На эти деньги мы шесть мѣсяцевъ безпечно
Въ деревнѣ гдѣ-нибудь могли бы провести;
Подъ яснымъ небомъ мы балы бы задавали
И рой красавицъ насъ спѣшилъ бы посѣтить.
Тѣ деньги, что вы мнѣ на памятникъ собрали,
Не лучше-ль на землѣ какъ слѣдуетъ прожить?!

Я старѣюсь, друзья, а милая Лизета
И молода еще, и любитъ щеголять,
Не такъ преклонны-бъ ей казались мои лѣта,
Когда-бъ я могъ ее какъ куклу одѣвать!..
Но, ни роскошныхъ блондъ, ни бархата, ни шали,
Увы! я не могу бѣдняжкѣ предложить!
Тѣ деньги, что вы мнѣ на памятникъ собрали,
Не лучше ли моею Лизетѣ подарить?!

Я не хочу, друзья, смотрѣть изъ пышной логи
На зрѣлище нѣмыхъ безжизненныхъ тѣней.
Вотъ нищій—старичекъ; онъ живъ еще, но, Боже,
Гораздо ближе онъ, чѣмъ я, къ закату дней!
Когда-бъ мы здѣсь ему хотъ каплю счастья дали,
Въ партерѣ-бъ мѣсто мнѣ онъ тамъ помогъ занять...
Тѣ деньги, что вы мнѣ на памятникъ собрали,
Не лучше-ль бѣдняку, друзья мои, отдать?!

И что мнѣ до того, что будущій ученый
Фамилію мою на камнѣ разберетъ
И принесетъ цвѣтовъ! Чтобъ запахъ благовонный
Вдохнуть,—увы! тогда мой трупъ не оживетъ!
Да, правнуки мои, вы тщетно бы искали
Могилу, гдѣ истлѣтъ мнѣ было суждено:
Тѣ денежки, что мнѣ на памятникъ собрали,
Какъ умный человѣкъ, я бросилъ за окно!...

Туристъ. Что же еще интереснаго вы расскажете намъ про эту площадку, гдѣ мы сейчасъ находимся.
Проводникъ. Да вотъ недѣли двѣ тому назадъ сюда скатился десятокъ камней и убилъ здѣсь такую же компанію, какъ ваша.

Оль. Какъ я желалъ бы стать однимъ изъ этихъ цвѣтовъ,
за которыми вы такъ ухаживаете.
Она. И которые поливаю холодной водой.

Въ горахъ, на горахъ, подъ горами, за горами и даже
вовсе безъ горъ—одно изъ пріятнѣйшихъ и недорогихъ удо-
вольствій.

Семья туристовъ, записываю-
щая свои горныя впечатлѣнія.

Крестьянка. Ну, что... какъ вамъ понравилось наше молоко
Разсѣянный туристъ. Ваше молоко мнѣ такъ нравится что
я попрошу корову подоить васъ еще разочекъ.

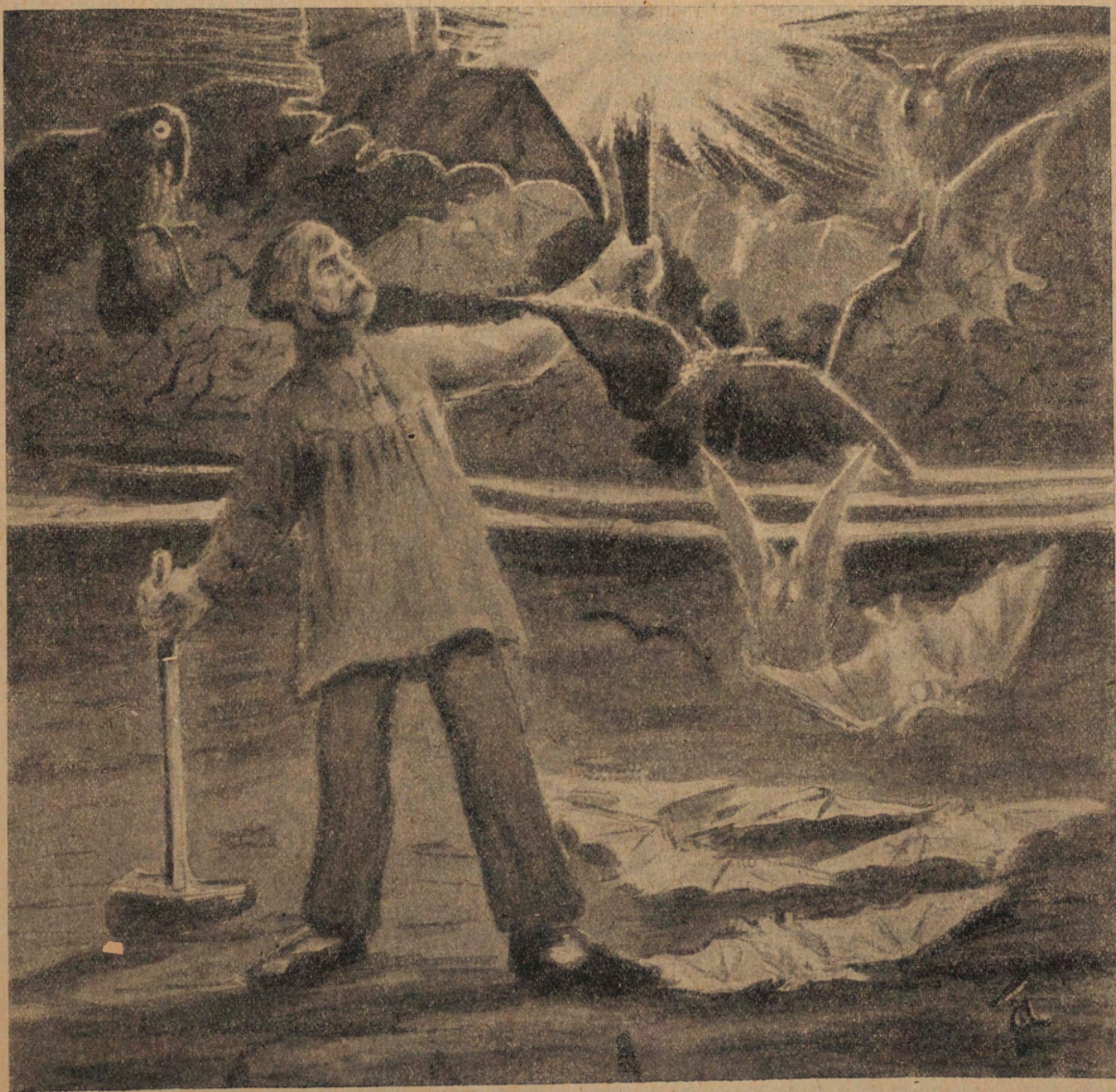
Онъ. А когда же будетъ наша свадьба?
Она. Когда эта корова отелится. Теперь за мной дають въ
приданце 13 головъ, а я суетьрна и хочу, чтобы было 14.
Онъ. А долго ждать?
Она. Недѣли три.
Онъ. Ну, что жъ подождемъ,—три недѣли потерпѣть и те-
ленка получить... это весьма даже недурно.

* * *

На горѣ лѣсъ зеленый шумитъ,
 Подъ горою болото кишитъ
 Всякой дрянью, той дряни не счесть...
 Въ нашемъ мирѣ, увы, слишкомъ много
 Паразитовъ различнѣйшихъ есть.
 Имъ бы въ этомъ болотѣ и жить,
 Такъ вѣдь нѣтъ, всякій хочетъ царить.
 Мирный звѣрь на землѣ вѣкъ живетъ...
 Паразитъ же на макушку дуба,
 А не то и повыше вползетъ.
 Мирный звѣрь своимъ честнымъ трудомъ
 Все украсить спѣшитъ, чтобъ потомъ
 Въ тихой пристани старость дожить,
 Наслаждаясь работы плодами...
 Паразитъ все спѣшитъ раззорить.

Мирный звѣрь вѣкъ трудится, не спитъ,
 Собирая зерно... паразитъ
 Темной ночью къ нему подойдетъ
 И добытое кровью и потомъ
 Все добро у бѣдняги пожретъ.
 Поразить это тварь, что весь вѣкъ
 Уничтожить спѣшитъ человѣкъ,
 Но, увы, ихъ родить время тьму...
 Паразиты всегда одолѣютъ
 И надѣнуть на парня суму.
 Мирный звѣрь опустился съ горы,
 Чтobъ сберечь какъ-нибудь всѣ дары...
 Паразитъ съ двухъ сторонъ его жметъ,
 Такъ какъ онъ, расплодившись ужасно,
 На горѣ и въ болотѣ живетъ.

Шегленокъ.

Свѣтъ вашъ свѣтитъ во тьмѣ и тьма его не объятъ,

ИСТОРИЯ СЕРЕБРЯНОЙ МОНЕТКИ.

Когда я впервые вышла въ свѣтъ, я была наивна, какъ институтка, и меня ни капельки не компрометировало даже то, что на мнѣ была обозначена цѣна, за которую всякій могъ приобрести меня.

Мы выпорхнули изъ монетнаго двора веселой, жизнерадостной толпою, но сейчасъ же насталъ и часъ разлуки. Я попала въ кошелекъ чиновника. Тѣсное помѣщеніе, не проглядная тѣма, непріятная компанія безжизненныхъ бюрократовъ (т. е. золотыхъ монетъ) положительно угнетала меня. Одинъ, десятирублевикъ все время декламировалъ горе отъ глупости какого-то Буренина и положительно не хотѣлъ замѣтить моего присутствія.

Другіе же вели себя еще хуже. Толковали о мѣстахъ, объ окладѣ, о пенсіи и мундирѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно не упоминали о дѣлѣ, о томъ, какъ они будутъ служить и чѣму будутъ служить. Впрочемъ, одинъ пятирублевикъ проговорился:—«Господа!»—сказалъ онъ: «дѣло не въ томъ, какая насъ ожидаетъ работа; дѣло не въ томъ—принесетъ-ли она пользу или нѣтъ. Насъ не можетъ интересовать этотъ бумажный хламъ. «Подписано, такъ съ плечъ долой!» изволили замѣтить его превосходительство, извѣстный сановникъ Фамусовъ... Всѣ наши интересы сводятся только къ тому, чтобы просидѣть извѣстное число годовъ въ департаментѣ и выслужить пенсію, округливъ предварительно капиталецъ.... Хи-хи-хи-съ!»—

Fi-donc, какая откровенность! Я положительно изнывала отъ тоски и очень обрадовалась, когда меня выпустили вонъ. Я опять увидѣла настоящій свѣтъ на минуту! Очутилась я въ просторномъ ящикѣ кассы какого-то магазина; Вокругъ меня кипѣла жизнь. Солидные рубли вели между собою нескончаемые разговоры.—«А что, Вавило Прохорычъ, какъ у васъ дѣла то съ заводцемъ: работаетъ?»—«Ничаво, слава Богу; перво-на-перво это забастовку устроили... полавай, дескать, правъ! Какихъ такихъ правъ? Да ты, подлецъ этакій, ножки должень у меня цѣловать! Да еслибъ мово завода не было, чтобы ты трескаться сталъ!... И усмирить... хо-хо-хо; т. е. вотъ какъ усмирить!»—«Хе-хе-хе-съ! А много изволили зарабатывать?»—Сотняшка тысячь наберется!»...

Какая сказка, какіе неинтересныя темы... Я не привыкла къ этому; я—барышня... Но меня не слушаютъ. Впрочемъ, одинъ рубль обратился ко мнѣ съ какимъ то предложеніемъ!.. Какъ это вамъ нравится?.. Я, конечно, презрительно отвернулась.

— «Хе-хе-хе-съ, не обтерлись еще, значить» пробасилъ онъ. Между компаніей было нѣсколько такихъ же людей, какъ и я. Они собрались отдѣльной кучкой и демонстративно громко говорили о царствѣ рубля, о гнусной эксплуатаціи имъ мѣдныхъ собратьевъ, о Марксѣ и т. д.

Но, увы, эти разговоры мнѣ не были понятны! «Вы читали Лассалья?»—«Какого вы мнѣнія о послѣдней книгѣ Каутскаго?»—«Какъ вы думаете въ силахъ ли пролетаріатъ пробиться сквозь толстую стѣнку буржуазнаго строя?»—Ничего не понимаю. Я только что вышла въ свѣтъ... Я хочу удовольствій!... Слава Богу, я распрощалась съ милой компаніей и переѣхала на новую квартиру: въ карманъ пригостишки-гимназиста, купившаго себѣ леденцевъ.

Вокругъ меня не было ни одного живого существа: кусокъ какой-то веревки, дюжина грязныхъ перьевъ, чернильный платокъ—вотъ моя новая компанія.

Вмѣстѣ съ моимъ хозяиномъ я вошла въ гимназію, разбила по пути чей-то носъ, сама потерпѣла маленькую аварію и, наконецъ, усѣлась за парту...

Въ перемѣнѣкъ меня потеряли во время жестокаго боя краснокожихъ и блѣднолицыхъ.

Я скромно закатилась въ уголокъ и притаилась тамъ за кускомъ бумаги... Вечеромъ, подметая корридоры, меня нашель гимназическій сторожъ и спряталъ въ свой кисетъ съ табакомъ. Вотъ она гдѣ жизнь-то! Вотъ она житейская тина! О, mon Dieu! Я падаю въ обморокъ!

...Очнулась я въ сумкѣ конно-желѣзнаго кондуктора. Вокругъ меня раздавались протесты о тѣснотѣ, заявленія, «что мѣстовъ больше нѣтъ», и даже... даже мнѣ показалось, что кто-то махнулъ краснымъ флагомъ!..

Около меня скромно лежали наши мѣдные братья. Фи, какіе они грязные, какъ отъ нихъ противно пахнетъ потомъ! Не могу понять, какъ можно жить такъ грубо, такъ отвратительно, по-скотски, въ XX-мъ вѣкѣ!.. Брр!.. Я никогда бы не согласилась быть на ихъ мѣстѣ... Впрочемъ, чтобы не прослыть отсталой, я должна говорить о своей готовности служить имъ. Вѣдь такъ, м-еиг пятиалтынный?.. На другой день меня обмѣняли на свѣжій № «Новаго Времени».

Вотъ гдѣ истинные люди! Вотъ гдѣ моя сфера!.. Кто это выдумалъ, что «Новое Время»—отсталая газета?... Наоборотъ, въ сумкѣ газетчика горячо и открыто говорятъ о нуждахъ и бѣдственномъ положеніи мѣдяковъ, но... не выходя изъ границъ благопристойности. Опять начались для меня тяжелыя испытанія: то я гостила въ тощемъ портмонѣ студента, то въ объемистомъ кошелкѣ ресторанныя лакея; ко мнѣ прикасались и пропитанные духами пальчики и грубые, мозолистые пальцы....

Протекали долгіе, томительные годы, по строгой нравственности, я еще сохранила свою чеканку...

— «Поцѣлуй за пять копѣекъ! Поцѣлуй!»—

Что это такое?.. На улицахъ открыто продаются поцѣлуй!.. Гдѣ я?..

Ха-ха-ха!.. Какая остроумная мысль, какая богатая идея! Это, оказывается, юмористическая газета, а я-то думала!..

Побывавъ въ редакціи поцѣлуевъ, я опять начала бродить по свѣту, пока, наконецъ, вся истертая, потѣрявшая нормальный вѣсъ, не провалилась сквозь дырявое пальто семинариста... Страшный народъ эти люди! Представьте, они совершенно не умѣютъ говорить: предъ поступленіемъ ихъ въ школу имъ вырѣзываютъ языки!.. Оригинальная педагогика!..

Итакъ, я провалилась на Охтенскомъ, т. е., простите, на Дворцовомъ мосту... Потомъ меня метлою похоронили въ пучинѣ невскихъ водъ.

Тамъ я нахожусь и теперь, и кто хочетъ найти меня—пусть ищетъ, а если найдетъ, то отправитъ въ Эртелевъ переулокъ къ моимъ друзьямъ...

Мнѣ м-сье Водяной официально заявлялъ, что ихъ дѣла плохи—о, какъ я хотѣла бы, цѣною моей цѣны, создать имъ распространение свѣжихъ №№...

Кочяевъ-Шмель.

Прелести жизни въ горахъ. Легкое колебаніе почвы при маленькомъ вѣтрѣ.

КАВКАЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.

Въ старинные годы, не знаю когда,
Свободнымъ Кавказомъ царь правилъ
Могучій Эльбрусъ. Царь тотъ умеръ давно
И намъ лишь преданье оставилъ.

Въ правленье Эльбруса Кавказъ процвѣталъ
И славился долгіе годы.
Забывъ про вражду и раздоръ жили тамъ,
Какъ братья, въ согласьи народы.

Такъ годы летѣли веселой чредой,
И старца страна уважала.
Сѣдого владыку вездѣ и всегда
Толпа вѣрныхъ слугъ окружала.

Казалось блаженству не будетъ конца:
Довольны царемъ—царь доволенъ;
Но видно весь міръ такъ устроенъ, что въ немъ
Никто въ своей жизни не воленъ.

Забыли народы о черныхъ годахъ,
Спѣша только жить, наслаждаться...
Но вдругъ загрустилъ царь, а грусти причинъ
Никакъ не могли доискаться.

Бывало, какъ глянетъ, кудрями тряхнетъ—
Гдѣ горе-кручина?—Палаты
Дворца отъ веселой забавы трещать,
Всѣ люди весельемъ объаты.

Теперь все затихло. Нѣтъ больше пировъ.
Царь мрачный сидитъ. Хотъ бы слово
Промолвилъ—молчитъ, похудѣлъ, постарѣлъ
На горе народа родного.

Порвалась и смолкла веселая пѣснь,
Не слышится смѣха... Устало
Тоскуетъ и въ трауръ одѣлась земля,
Не то, что когда-то бывало...

Царь выйдетъ изъ свѣтлыхъ покоевъ дворца
Печальны прекрасные взоры—
И долго стоитъ молчаливъ и угрюмъ...
Предъ нимъ золотые узоры.

Плетутъ блики солнца въ эфира струяхъ,
Поютъ хоры птицъ... Ликованье
Не молкнетъ въ природѣ, но царь заглушить
Не хочетъ, не можетъ страданье...

Разъ долго стоялъ такъ угрюмый Эльбрусъ
И слуги его окружали.
Былъ хмуръ онъ. Печальныя мысли его
Куда-то далеко бѣжали.

И взоръ обгоняя неслись по лугамъ,
Поля и лѣса полонили,
И въ пѣніи птицъ, и въ журчаньи рѣки
Терзали царя и томили.

Безмолвные слуги, грустя вокругъ царя,
Стояли и ждали. Хотъ слово
Хотѣли услышать они отъ него,
Послушные первому зову.

Молчалъ царь... Вдругъ, тихо изъ чащи лѣсной
Въ роскошномъ зеленомъ нарядѣ
Прекрасная дѣвушка вышла. Мечта
Сверкала въ ея каждомъ взглядѣ.

И старый властитель, и слуги его
Взглянули и замерли... Въ свѣтѣ
Они не встрѣчали такой красоты:
Улыбка и ласка въ привѣтѣ...

Безмолвно взглянулъ царь на дѣву. Она
Небеснымъ казалось видѣньемъ.
Предъ юностью смолкла въ душѣ старца грусть,
Въ очахъ скорбь слилась съ удивленьемъ.

И ласково молвилъ ей царь, лишь она
Приблизилась къ нимъ и, краснѣя,
Поклонъ отдала:—Кто ты дѣвушка? Кто?
Откуда?.. Скажи намъ скорѣе!

И голосъ царя надъ землей прозвучалъ
Не грозный, какъ прежде, въ страданьи,
А ласковой просьбой, какъ въ нѣгѣ ночной
Волны тихоструйной журчанье.

И слуги, очнувшись отъ сумрачныхъ думъ,
На помощь царю поспѣшили:
«Откройся намъ, дѣвушка, кто ты?—Они
Какъ эхо за нимъ повторили.

Потупивъ прекрасные очи свои,
Смущенно царю отвѣчала
Красавица. Стройно лилась ея рѣчь
И музыкой дивной звучала.

—«О, царь, кабардинка я! Имя мое
Машука!»—Царь слушалъ въ смущеньи,
Въ немъ жизнь вновь проснулась и юности пылъ
Заискрился въ смутномъ томленьи.

— Приди же, сказалъ онъ, въ хоромы мои
И вѣрно будь мнѣ женою!
Я буду слугою послушнымъ твоимъ
И станешь ты править страной.

«Приди же, приди!»...—И толпа его слугъ
«Приди» за владыкой сказала,
Но въ очи царицы, взглянувши она,
Въ отвѣтъ головой покачала.

Онъ. Въ этой романической обстановкѣ мнѣ бы очень
хотѣлось васъ поцѣловать.

Она. Но вы забываете, что здѣсь очень сильное эхо. Оно
повторитъ нашъ поцѣлуй такъ громко, что его непременно
услышитъ мама.

«Нѣтъ, царь, не приду я! Я юность люблю.
Не надо мнѣ царства въ награду
За вѣрность. Старикъ ты, а я молода!
Найдемъ ли мы въ жизни отраду?!»...

Царь вздрогнулъ, но снова промолвилъ:—Дитя,
Такъ старость тебя лишь пугаетъ?
Но юношей много вездѣ и всегда
Меня цѣлый день окружаетъ.

И кудри ихъ выются, и юности пылъ
Непочатымъ въ сердцѣ таятся.
Всѣ будутъ покорны какъ слуги тебѣ,
Ты съ ними здѣсь будешь рѣзвиться!»

— «Нѣтъ, нѣтъ, не пойду! Я другого люблю,
Лишь онъ женихомъ моимъ будетъ,
Ему измѣнить не вольна я, и онъ
Меня никогда не забудетъ!».

Зажглися вдругъ гордые очи царя,
Метнули стрѣлой грозвою.
И въ гнѣвъ такъ громко Эльбрусъ закричалъ,
Что эхо пошло за горою.

— «Кто онъ? Укажи намъ скорѣе его.
Взглянуть какова его сила?»
— «Да, да, покажи намъ, скорѣй покажи!»
И свора юнцовъ подхватила.

— Я здѣсь!—вдругъ послышался голосъ вблизи—
Вездѣ и всегда подлѣ милой.
Бештау зовусь я! Съ соперникомъ злымъ
Готовъ я помѣриться силой!—

И изъ лѣсу вмигъ предъ смущенной толпой
Джигить молодой появился.
Красавецъ собою, въ нарядѣ родномъ,
Предсталъ и царю поклонился.

Высокій и стройный какъ тополь джигить;
Прекрасные кудри сбѣгали
По плечамъ его золотистой волной,
А очи отвагой сверкали.

— Я здѣсь! Моя сила не тайна!—сказавъ,
Онъ выхватилъ шашку литую
И взмахомъ однимъ разрубилъ пополамъ
Онъ голову старца сѣдую.

Къ убійцѣ метнулись всѣ слуги царя,
Жестокою местию пылая,
Но силы собравши, ихъ жестомъ сдержалъ,
Могучій Эльбрусъ умирая.

И грозно въ послѣдній разъ взоромъ сверкнувъ,
Схватилъ царь тяжелый мечъ, бранный,
И голову юноши на пять частей
Разсѣкши, упалъ бездыханный.

Покорные слуги Эльбруса въ тоскѣ,
Печально склонившись надъ тѣломъ,
Весь вѣкъ не покинули всѣ своихъ мѣстъ
Въ страданіи окаменѣломъ.

У тѣла-жъ погибшаго юноши вся
Въ зломъ горѣ *Машука* стояла
И, полная скорби о другѣ своемъ,
Безмолвно и долго рыдала.

И чистыя слезы такъ быстро лились,
Что скоро въ ручьи превратились

И свѣтлыми струйками тѣло омывъ,
Въ ущелья и долѣе стремились.

Прекрасныя струйки. До сихъ поръ онѣ,
Стремясь по долинѣ унылой,
Прохладною влагой природу живятъ,
Владѣя цѣлебною силой.

И юноша храбрый, и старый Эльбрусъ
Теперь надъ Кавказомъ восходятъ,
И ихъ разсѣченныя главы вдали
Вершинами въ небо уходятъ.

Красавца *Бештау* пять гордыхъ вершинъ,
Съ источниковъ силу собирая,
Богатымъ нарядомъ цвѣтовъ и кустовъ
Украсились, напоминая

Всѣмъ юноши кудри. Машука надъ нимъ
Рыдаетъ, томима желаньемъ
Вернуть къ жизни друга. И вторятъ ручьи
Ей тихимъ и грустнымъ журчаньемъ.

А свита Эльбруса надъ старцемъ склоняся,
Застыла на долгіе годы
Подъ жаркими солнца лучами и спитъ
Сномъ мертвымъ вокругъ нихъ природа.

И дальше огромное мѣсто занявъ,
Склонившись къ царю и герою,
Застыли еще великаны и ихъ
Скрыть некому было землею.

Когда это было?—пожалуй, давно
И прадѣды наши забыли.
Народъ цѣмелчалъ. Великановъ такихъ
Нѣтъ больше, какъ нѣкогда были.

Смѣется народъ, если вспомнить о нихъ;
Они только въ сказкахъ бываютъ,
А тѣхъ что лежатъ до сихъ поръ надъ землей
Горами теперь называютъ.

Пускай же не вѣрять въ преданья толпа,
Ихъ имя пережило славу
И всѣмъ намъ извѣстны еще имена
Машукъ и Эльбрусъ и Бештау.

Александръ Щегловъ.

НОВЫЯ ВАРИАЦИИ

на старыя темы.

Привыкъ я къ старымъ сапогамъ
И въ новыхъ, узкихъ—изнемогъ;
Такъ храмъ оставленный—все храмъ!
Кумиръ поверженный—все богъ!

* * *

Бреду съ ужасной болью, но
Скрываю боль свою искусно;
Все это было-бы смѣшно,
Когда-бы не было такъ грустно.

Л.

ВЪ ЛАВКѢ ПАМЯТНИКОВЪ.

Охотникъ (освобождая туриста отъ провіанта и запасы винъ).

— Вотъ я вамъ сейчасъ устрою облегченіе!

Туристъ (взбираясь по веревкѣ съ помощью проводника).

— Чертъ всзьми однако тя-
жело!

— Ну и чѣмъ же окончилось
ваше товарищество?

— Тѣмъ, что когда я взялъ
товарища, у него была опыт-
ность, а у меня деньги; а те-
перь—у него деньги, а у меня
опытность.

Членъ
Союза 17-го Октября

Утро воскресенья. Къ лавкѣ, надъ дверью которой красуется вывѣска: „Продажа памятниковъ и монументовъ“, подъѣзжаетъ коляска, запряженная парой сѣрыхъ рысаковъ; изъ нея выѣзжаетъ купецъ лѣтъ 40, подстриженный коротко въ скобку, въ надвинутомъ на бекрень цилиндрѣ и высаживаетъ, съ граціей медвѣдя, полнотѣ-
лую супружницу въ модной шляпкѣ, разукрашенной цѣ-
лымъ ворохомъ цвѣтовъ.

— Да ну!.. Выѣзжай, што-ли, понукастъ супругу куп-
ецъ: «застряла»!

— Держи ты меня, Бога ради! молить та: «вѣдь, грохнусь»!

— Грохнусь!.. А ты смѣлѣй!.. Упрись въ мое плечо-
то и спускай ноги!.. Ну!.. Тьфу! эхъ, вѣдь, какъ шарах-
нулась-то, чуть меня съ ногъ не сшибла!.. Деревенщина!..

Изъ лавки выскакиваетъ парень и, держа картузь на отлетѣ, отворяетъ двери, приговаривая: «Пожалуйте, ваше степенство»!..

Супруги входятъ въ лавку, загроможденную различ-
наго сорта и размѣра памятниками: ихъ встрѣчаетъ съ
поклонами приказчикъ, плутовато шуря подслѣповатые
глазки.

— Что прикажете-съ? спрашиваетъ онъ, маневрируя
 картузомъ.

— Памятникъ-бы намъ... надгробный! говоритъ ку-
пецъ съ разстановкой: собственно для родительницы на-
шей... царство ей небесное, мѣсто покойное!..

— Можно-съ!.. мраморный прикажете?

— А то какой же еще? обижается купецъ: слава тебѣ
Господи, есть изъ чего... Себѣ ни въ чемъ, примѣрно,
отказу не видимъ, а для родителей-то ужъ и грѣшно-
бы было... Они намъ капиталъ оставили, людьми сдѣ-
лали, а мы ихъ въ забвеніе!.. Эхъ ты, голова!..

— Это точно-съ!.. Не знаю, какъ васъ по имени-
отчеству...

— Трифонъ Калинычъ были... Живоглотовъ по фа-
миліи...

— Знаемъ-съ, Трифонъ Калинычъ, знаемъ-съ!.. какже-
съ!.. Фамилія ваша даже очинно хорошо намъ извѣстна...
Рогожей изволите торговать-съ?

— Нѣтъ, мы по подряду больше... Пожертвовалъ я
теперича въ нашу сельскую церковь колоколъ въ 500
пудовъ... медали за это удостоился.

— Объ этомъ тоже слышаны.

— Такъ вотъ я къ тому рѣчь веду: коли ежели мы
въ деревенскій колоколъ столько денегъ всадили, то ка-
кимъ же, теперича манеромъ родителей-то мраморнымъ
не почестъ?

— Это вѣрно-съ!.. родители первое дѣло... и отъ
Бога, и отъ добрыхъ людей... Вотъ, не угодно-ли-съ, изъ
настоящаго атальянскаго мрамору-съ... А можетъ вамъ
гробницей памятникъ пріятнѣй-съ?

— Нѣтъ... монументомъ фундаментальнѣе... Мелокъ
только этотъ... покрупнѣе-бы, чтобы видъ имѣлъ...

— Есть и такой-съ... Вотъ, не угодно-ли взглянуть:
и высокъ и отдѣлочка мастерская...

— Н-да!.. А покрупнѣй-бы?

Чего-жъ ужъ тутъ крупнѣе-съ, даже очинно хорошъ
и этотъ-съ...

— Гм!.. Матрешъ! Во, мотри!.. Какъ на твой вкусъ?

— Памятникъ игрушка-съ, антикъ-съ, тараторить
прикащикъ: лучше этого ни въ одной лавкѣ не найдете-
съ... сейчасъ издохнуть!.. Даромъ памятникъ вамъ отдаю,
ежели найдете...

— Матрешъ! Ну, какъ? а?.. Да что у тебя языкъ-то
отсохъ, что-ли?

— Я гляжу, Калинычъ!..

— Чего тутъ глядѣть!.. По мысли, ай нѣтъ?

— Да какъ тебѣ, Калинычъ, такъ и мнѣ...

— А по моему даже очень хорошъ... дай Богъ на-

...Онъ весь обратился
въ слухъ...

Членъ
Партіи Правового Порядка,

шимъ дѣтямъ такой на насъ поставить... Ну, этотъ, такъ этотъ... Теперича на этой сторонѣ нужно высѣчь слова... Идѣ это я записку-то дѣлать? Матрешъ! Не у тебя-ли? Стой! вотъ она!.. „Подъ симъ камнемъ лежитъ тѣло-о“...

— Прахъ-съ лучше будетъ съ, вставляешь прикащикъ.

— Пра-ахъ? говорить въ раздумьи купецъ: а, вѣдь, ты это, пожалуй, вѣрно... прахъ—прахъ и есть... „Подъ симъ камнемъ лежитъ прахъ рабы Божіей почетной гражданки, вдовы московскаго купца и нѣжной матери“... Ну, и прочее по запискѣ, а на другой сторонѣ стихъ какой ни на есть жалостный... Есть у васъ готовые-то?

— Помилуйте-съ!.. Самый первый сортъ-съ!.. Мишутка! Притащи-ка тетрадку «надгробныхъ слезъ и воздыханій»! Сейчас и выберемъ-съ...

— Сами сочиняли?

— Обижаете-съ... на это тоже надо даръ свыше, ну, и время... Есть у насъ тутъ такъ болтающій одинъ. За полуштофъ живымъ манеромъ до слезъ доведетъ... а ежели ему теперича трехрублевку дать понюхать, камень и тотъ стихами проймаетъ... Поэтъ, одно слово-съ!.. Пожалуйте-съ!.. «Плачъ супруги и матери надъ гробомъ сына»... вотъ это не подойдетъ-съ, потому у васъ родительница... Вотъ-съ, не угодно-ли:

«Сколько въ горести томилась я напрасно

И зываю къ нѣжному отцу всечасно»...

— Намъ на щетъ родительницы! прерываетъ купецъ.

— Виновать-съ... стихъ-то очень забористъ... «Скорбь сына о родителѣ»: «О, ты, дрожайшій мой»!.. да! вѣдь, у васъ родительница... сейчасъ найдемъ-съ... Тьфу! какъ на грѣхъ!.. Вотъ оно-съ:

Подъ камнемъ хладнымъ сокрылася, родная!

Во цвѣтѣхъ лѣтъ и въ дѣвственной красѣ...

— Нѣтъ... это не идетъ! махаетъ купецъ: во цвѣтѣхъ лѣтъ!.. Это въ 75 лѣтъ-то, во «цвѣтѣхъ».

— Да, это точно, что того-съ... такъ, вотъ, ужъ лучше этого и не найдете-съ:

«Стараніемъ моимъ воздвигнуть камень сей

Надъ прахомъ матери родной моей!

Лейтесь слезы въ горести, какъ ручей,

И спи, драгая, въ тѣни густыхъ вѣтвей!..»

— Матрешъ! Чувствительно? а?

— Очинно даже, Калинычъ! всхлипываетъ та: какъ сейчасъ ее, покойницу, вижу...

— Ну, поѣхала!.. Такъ вотъ эвототъ самый стихъ ты и помѣсти...

— Будьте покойны-съ!.. мастера у насъ не пьющіе—художественно высѣкутъ... Акромя того будетъ подъ памятникъ плита въ двѣ четверти... Доставить и поставить тоже... на какое кладбище прикажете?

— На Даниловское... въ первый разрядъ...

— Знаемъ-съ!.. Тамъ всѣ, почесъ, памятники отъ насъ ставлены... Фабриканта Грушина, изволили знать?..

— Нѣтъ, не знавалъ... ну, такъ, такъ... изъ цѣльнаго-ли камня онъ высѣченъ-то? А то, вѣдь, вы мастера составлять да замазывать...

— Господи!.. Трифонъ Калинычъ!.. И не грѣхъ это вамъ?.. Да я даромъ вамъ отдаю, коли ежели...

— А вотъ тутъ, видишь, желтая жилка протянулась...

— Да разви возможно безъ жилокъ? Будьте покойны: во всякомъ сословіи теперича жилы есть: и въ каменномъ, и въ древесномъ, и въ людскомъ... рази это пороки-съ? Природа—одно слово-съ!..

— Цѣна?

— Безъ запросу... по Божьи ежели? смотреть въ уголъ прикащикъ.

— Вмѣстимо, по Божьи... безъ канители...

— Двѣ тысячи-съ! отчеканиваетъ тотъ быстро, щури глаза.

— Что-о-о? А это ты видѣлъ? подносить купецъ фигу прикащику.

— Оно, конечно-съ... по нашему званію, мы и не то еще видали, но только напрасно-съ!.. Вы разочтите: почесъ цѣльный мѣсяцъ безъ почину сидѣли... покупателя-то, словно въ засуху дождя, ждемъ... а по нонѣшнему курсу во что мраморъ-то изъ заграницы придетъ? Вы по-Божьи...

— Ты мнѣ курсомъ-то въ носъ не тычь! Я тебѣ самъ фонды то разведу не хуже твоего... Полторы взять?

— Такой и цѣны нѣту... Ужъ пусть лучше въ лавкѣ стоитъ, нежели въ убытокъ... Опять же высѣчка... стихъ первый сортъ... установка... не могу-съ!..

— Взять полторы?

— Вѣрите Богу, не могу-съ... Вы посмотрите на камень-то-съ... Вѣдь это что? Скала-съ!.. ей-Богу, двѣсти лѣтъ безъ порчи простоятъ... обязуюсь даже...

— Если въ убытокъ — не продавай... я въ другомъ мѣстѣ куплю... Матрешъ! Подемъ!

— Извольте, извольте-съ!.. Двѣсти уступлю-съ... больше не могу... Разочтите: прямо изъ Италіи... моря переплывалъ... горы... для васъ только... для переду... еще кого, можетъ, Богъ приберетъ...

— Больше ни копѣйки!.. Ну, уйду, вѣдь?

— Ахъ, ты, Господи!.. Вотъ она какая наша торговля-то!.. плачешь, да продаешь... одни убытки, вотъ какъ передъ Богомъ... Катеньку то ужъ накинъте... такъ ужъ и поидетъ она за упокой родительницы вашей...

— Сказано: ни монетки больше и—кончено!

— Эхъ, гдѣ наше не пропадало!.. Пусть ужъ лучше насъ хозяинъ облаетъ, а ужъ васъ надо уважить... Пожалуйте ручку-съ!.. Съ покупкой васъ!.. Задаточку сколько прикажите получить?

Минутъ черезъ 10 супруги выходятъ изъ лавки и садятся въ коляску; прикащикъ провожаетъ ихъ поклонами.

— Слава-те Господи! крестится онъ, проводивъ покупателя: Мишутка-а! бѣги скорѣй въ трактиръ къ хозяину, да скажи ему, что трехсотрублевый памятникъ за полторы тысячи проданъ... Н-ну, живо, чертеночъ!!

Онъ. Когда же ты дашь мнѣ счастье?

Она. Оно не за горами.

Онъ. Оно въ горахъ! Не правда-ли? Пойдемте въ горы.

АЛЬБОМЪ КАТЕНЬКИ ТРАТАТА.

Отъ издателя. Этотъ альбомъ относится къ эпохѣ 1877 — 1878 гг. Намъ не удалось собрать никакихъ біографическихъ свѣдѣній относительно личности его обладательницы, кромѣ тѣхъ, которыя можно получить изъ самаго содержанія альбома. Эти же свѣдѣнія ограничиваются слѣдующимъ:

1. Она—дочь интендантскаго чиновника Тратата.
и 2, вѣроятно, очень пикантная особа, если приобрѣла себѣ столько восторженныхъ поклонниковъ, посвятившихъ ей свои стихотворенія.

Альбомъ доставленъ намъ канцеляристомъ Мышкинымъ, который заявилъ, что передаетъ его въ руки гласности изъ мести, и затѣмъ незамѣтно скрылся. Дознаніе производится.

Вотъ избранныя мѣста изъ „Альбома“.

Я—твой рыцарь, на террасу
Выйди, дама, для свиданья;
Утащить скорѣе кассу
Дай свое мнѣ приказанье...
Нѣтъ преграды предо мною,
Нѣтъ печатей и запоровъ,
Я куриной слѣпотою
Поражу всѣхъ ревизоровъ.
Пренебрегши скуднымъ златомъ,
Полонъ страсти и отваги,
Я спущусь орломъ крылатымъ
На процентныя бумаги,
И примчу къ тебѣ, о радости!
Всю ихъ радужную массу...
Повели мнѣ сдѣлать гадость,
Помоги ограбить кассу!..

Кассиръ банка Цапцарапкина.

Одну я мысль въ себѣ лелѣю:
О ты, мой ангелъ, мой кумиръ!
Забудь весь міръ и будь моею,
Какъ мой зеленый вицмундиръ!..
Будь мнѣ подругой благородной,
Свѣти мнѣ свѣточемъ вездѣ
И будь звѣздою путеводной
Ты мнѣ въ Андреевской звѣздѣ.

Статскій совѣтникъ Звѣздохватовъ.

* * *

Въ моей груди—всѣ пытки ада!
Я васъ люблю, какъ солнца свѣтъ,
Люблю, какъ чашку шеколада,
Какъ ароматъ свиныхъ котлетъ.
Пойду-ль куда, больной, усталый,—
Вездѣ вашъ образъ неземной
Торчитъ верстою небывалой
Въ дали туманной предо мной...
Прелестный, точно шумъ фонтана,
Вездѣ вашъ голосъ слышу я—
И въ бурныхъ треляхъ барабана,
И въ щебетаньи воробья...
Болезная жертва вѣчной скуки!—
Мнѣ опостыло все вокругъ,
И широки мнѣ стали брюки,
И сталъ широкъ мнѣ мой сюртукъ!
Скажи,—ужели безъ отвѣта
Поэтъ безвременно умретъ?!
О! неужель изъ пистолета
Я прострѣлю себѣ животъ?..

Гейне изъ Тетюши.

Какъ дикій вепрь, я рвался къ бою.
И вотъ руки лишился я!
О, будьте правою рукою
Въ земной юдоли для меня...

И даже, если бъ въ мигъ единый
Меня злой турокъ раздавилъ,
Я-бъ васъ моею половиной
Быть въ этой жизни попросилъ.

Майоръ Затваловъ (раненъ въ правую руку подъ Шибкой въ 18 день Декабря 1877 г.; рука отнята врачемъ Зынцубенемъ 1-го Янв. 1878 г.).

* * *

Я къ вамъ пылалъ любовью нѣжной,
Но вы отвергнули меня...
И я сидѣлъ съ душой мятежной,
На струнахъ горестно звеня.
Столоначальникъ нашъ ужасный
Сказалъ: вы, сударь, либераль!—
И все за то, что я несчастный,
Такъ ваши глазки обожалъ.
Я съ горя сдѣлалъ упущенье,
Сейчасъ послѣдовалъ докладъ,—
И бацъ!—такое повелѣнье:
Уменьшить Мышкину окладъ...
О ты, злой рокъ, скажи, доколѣ
Ты будешь истязать меня?..
И вотъ сижу я на гондолѣ,
Гитарой жалобно звеня...

Канцелярскій служитель Мышкина.

* * *

Хошь Стамбуль?.. Въ гаремъ сажаемъ...
Ой,—ханымъ тамъ хороши!
Въ оба щека лобызаемъ,—
Ай да дѣвка,—бикъ якши!

Турокъ Садыкъ-паша.

* * *

Теперьче-съ мы при капиталѣ,—
Быть можетъ сотни тыщевъ есть,
Да на Обводномъ на каналѣ
Однихъ лабазовъ двадцать шесть...
Могу сказать еще къ примѣру,—
Нашъ папенка ужъ старики
И часто кушаютъ не въ мѣру,
Опять же лишены руки...
Хоша, теперь подъ инструменты
Не обучены мы танцовать,
И все-же мы не монументы,
А очень можемъ понимать...

Купеч. сынъ Капустинъ. (Ивана Парфеновича сынъ).

* * *

Дочь моя, надъ соломиной
Издѣваться не моги
И съ пронзительною миной
Не смотри на сапоги.
Знай, что съ храбростью моею
Мѣсто около сапогъ,
Стоитъ мѣста казначея
И строителя дорогъ.

Интендант. чиновникъ Тратата.

ЗА ЗАВТРАКОМЪ.

(Въ альбомѣ гастроному-философу).

Сажусь за завтракъ, предо мною
Картофель съ зеленью стоитъ,
Онъ приготовленъ ей самою,—
Ну, не любовь ли здѣсь сквозить?
О, Маша, бойся! Мефистофель
И здѣсь крючекъ найти готовъ:
Любовью приправляя картофель,
Но... не картофелемъ любовь.

Цѣна за строку номпарель въ
1 столбецъ 25 коп.

Объявленія.

Редакторъ В. Панченко.
Коллм., 32.—Изд. Богельманъ.

До употребленія.

Послѣ употребленія.

Красота человѣка жемчелима

если на лицѣ или на рукахъ имѣются прыщи или угри и немногимъ еще извѣстно, какъ легко устранить эти неприятыя явленія посредствомъ новѣйшаго средства „Угрины“. Красота а также и

БѢЛИЗНА ЛИЦА, ТѢЛА и РУКЪ

легко и скоро получается послѣ непродолжительнаго употребленія этого средства. „Угрины“ имѣютъ то преимущество предъ всѣми другими средствами, что прыщи и угри послѣ употребленія до окончательнаго исчезновенія, не являются вновь. „Угрины“ продаются вездѣ по 1 р. 90 к. или пересылается наложеннымъ платежомъ изъ склада

Рич. Пето. С.-Петербургъ, Караванная, 16. кв.

Врачебные письмен. совѣты

инороднымъ дасть *врачъ-гомеопатъ*

Л. Д. ФРЕНКЕЛЬ

(С.-Петербургъ,

Казанская ул., № 39),

авторъ „Полнаго Практическаго Лѣчебника“. Обращаться только по *аромическимъ* болѣзнямъ, не уступающимъ общему, аллопатическому лѣченію. Сообщать *подлочно* признаки болѣзни, ходъ и предшествовавшее лѣчение ея и проч., также полъ, возрастъ, занятіе, семейн. положеніе больного или больной. *Плата за совѣтъ* высылается впередъ, или на него, въ случаѣ желанія, можетъ быть наложенъ платежъ; опредѣленіе размѣра платы предоставляется обрашающемуся за совѣтомъ. *Лексерт-а*, в случаѣ надобности высылаютъ *отдѣльно* наложеннымъ платежомъ.

КОНТРАГЕНТЪ

по приему объявленій торгово-промышленныхъ фирмъ для печатанія въ журналѣ

„ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ
АЛЬМАНАХЪ“

М. А. Лакшинъ.

Поварской пер., д. № 9, кв. 9,
въ С.-Петербургѣ.

Остерегайтесь

ПОДДѢЛОКЪ!

Въ виду появившихся поддѣлокъ, прошу купить Перуинъ изобрѣт. Р. Пето только въ неупакованныхъ флаконахъ, чтобы убѣдиться что флаконъ имѣетъ этотъ этикетъ:

Флаконъ вездѣ 1 р. 75 к.
съ пересыл. изъ склада.

Базаръ Марокъ
Спб., Невскій, № 20.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ СКЛАДЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Якова П. Розмыслова
бывш. П. Розмыслова,
Садовая № 38 СПБ.

Громаднѣйшій выборъ всевозможн. инструментовъ.
Продажа ОПТОМЪ и РОЗНИЦУ по фабрич. цѣнамъ. **Требуйте ПРЕИСУ-КУРАИТЬ.**

30000000

Настоящій американскій граммофонъ „Віонъ“, наилучшей конструкции, механизмъ въ настоящемъ дубовомъ ящикѣ; аппаратъ снабженъ концертной мембраной, ничѣмъ не отличающейся отъ стоящихъ 100 р., весьма необходимымъ доставить себѣ, равно и гостямъ, пріятность слушанія знаменитыхъ артистовъ и оркестр. міра. Цѣна, благодаря громадному сбыту, только 18 руб. (съ пересылк.). **ДАРОМЪ!** Прилагаемъ 3 безшумн. пластинки, и 200 шт. игловокъ. Такой же граммофонъ 1-го сорта „Тонаръ“ съ вращающ. во все стороны рупоромъ 30 руб. Высылаемъ немедленно по полученіи 8 руб. задатка; остальные наложены, платежомъ. Требуемъ просимъ адресовать: Т-во „ЗАРЯ“, Варшава. Громаднѣйшій выборъ ПЛАСТИНОКЪ по 1 руб. Требуемъ каталоги.

Отзывъ объ ЭКЗЕМАТИНѢ пров. Пружана.

Страдая, въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ, мучительной и крайне упорной экземой (на ногѣ) и испробовавъ для лѣченія ея всѣ извѣстныя медицинскія средства латинской кухни, я уже потерялъ всякую надежду на излѣченіе. По совѣту одного знакомаго, я, наконецъ, рѣшился обратиться (не скрою—съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ) къ извѣстному въ Петербургѣ провизору Пружану и приобрѣлъ у него составленную имъ мазь противъ экземы и лишаевъ. Мазь эта, сверхъ всякаго ожиданія, оказалась въ самое короткое время такое цѣлебное дѣйствіе, что болѣзнь моя совершенно исчезла. Считаю своимъ нравственнымъ долгомъ принести искреннюю благодарность г. Пружану за его изобрѣтеніе, которое оказывается полезнымъ для всѣхъ видовъ экземы—какъ сухой, такъ и мокрой. Потомъ Почетн. Гражд. **А. С.** 1/2 банки стоитъ 75 к., 1 банка стоитъ 1 руб. 25 коп. 2 банки мазь „Экзематинъ“ высылаются за три р. С.-Петербургъ, Садовая, 68 провизору И. М. Пружану.

Имѣется въ лучшихъ аптек. магаз.

НЕСТЛЕ
дѣтская молочная мука
Сгущенное молоко **НЕСТЛЕ!**

КАТЕГОРИЧЕСКИ
ЗАВЯЛЯЕМЪ, ЧТО НОВѢЙШАЯ МОДЕЛЬ АМЕРИКАНСКОЙ пишущей машины „Оливеръ“
самая совершенная изъ всѣхъ пишущихъ машинъ.

Желающимъ убѣдиться предоставляемъ машину для испытанія **БЕЗПЛАТНО.**
Цѣна для канцел. листа 275 р., для листа поперекъ—300 руб.
Официальн. одобрит. отзывы, образцы шрифта, подробн. каталоги высылаются **БЕЗПЛАТНО.**

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ ЗИВЪ и К° Спб. Невскій просп., домъ № 65.
Телефонъ № 1040. ✕ Адресъ для телегр. Дезивъ-Петербургъ.

Отвѣтъ на вопросъ.

Головная перхоть способствуетъ выпаденію волосъ. Средство, о которомъ вы спрашиваете противъ перхоти и выпаденія волосъ, пров. ПРУЖАНА, поступило въ продажу сравнительно недавно, но мы можемъ Вамъ смѣло рекомендовать его. Мы уже нѣсколько разъ рекомендовали его въ письмахъ своимъ подписчикамъ, и, судя по послѣдовавшимъ отзывамъ, это средство оказывалось очень полезнымъ. Настоящія же строки мы помѣщаемъ, разсчитывая на весь кругъ нашихъ читателей. Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ. Высылаются два флакона за три рубля. С.-Петербургъ, Садовая, 63. Провиз. ПРУЖАНЪ.

Слѣдующій № 44

„Юмористическаго

Альманаха“

выйдетъ въ свѣтъ подъ названіемъ

„ЖЕНЩИНЫ“.